

«Библиотеки и научное сообщество: взаимодействие и взаимовлияние»

Международная научная конференция «Румянцевские чтения — 2011»*

В Российской государственной библиотеке (РГБ) 19—21 апреля 2011 г. прошла ежегодная Международная научная конференция «Румянцевские чтения — 2011». Публикуем выступления участников пленарного заседания конференции: А.Е. Петрова, В.А. Глухова, Л.Н. Тихоновой.

Национальная библиотека, историческая память и воспитание историко-культурным наследием

Перед тем, как поделиться своими соображениями, я хотел бы искренне поприветствовать всех участников Чтений от имени наших ученых-гуманитариев — историков и филологов Российской академии наук (РАН). Большинство из них до сих пор являются активными пользователями библиотеки, поэтому никто так не ценит Российскую государственную библиотеку, никто не понимает так ее культуры, как российский ученый-гуманитарий. Мы поддерживаем многообразные связи, осуществляем совместные исследования и научные проекты. Я уверен, что все это будет продолжаться. Размышлениями о некоторых проблемах, о кризисе понимания, который ощущает сегодня библиотечное сообщество, продиктована тема моего выступления.

Кризис понимания и кризис взаимоотношений между властью и культурой, властью и наукой происходит, в первую очередь, когда снизу появляются простые вопросы, а власть не может дать на них таких же простых ответов.

Российская государственная библиотека, бывшая Ленинка, бывшая Румянцевская библиотека, изначально складывалась как институт национальной памяти. В модернизированной, инновационной России нужен такой институт или нет? Видимо, эти вопросы беспокоят вас прежде всего. Они беспокоят и историков. Вопросы истории — главные на повестке дня общественных дискуссий.

Но мы не можем требовать научного подхода от общественности, и потому не удивительно, что не учитываются некоторые закономерности исторического развития, его этапы.

Мы пережили такой период, когда в 1990-х гг. шло отторжение советского прошлого, разрушение идеологии, догматов, связанных с коммунизмом и коммунистической партией. И в связи с этим зародилось, может быть и позитивное в своей основе, движение к древним истокам. Мы вспомнили, что Россия была империей, державой Рюриковичей, но мы при этом начали почему-то забывать, что Россия — это еще и Советский Союз, который победил в Великой Отечественной войне. И вот возникла такая ситуа-

* Подробнее о Международной научной конференции «Румянцевские чтения — 2011» см.: Библиотековедение. — 2011. — № 3. — С. 8—11.

ция. Известно, что существует Геральдический совет, поставивший своей целью вернуть всем историческим областям России исконные гербы. Дошло дело до Волгограда. Все знают, что герб Волгограда сегодня включает в себя знаменитую на весь мир скульптуру Родины-матери, символизирующую победу в Сталинградской битве и Великой Отечественной войне. Теперь хотят вернуть, по выражению местных жителей, «три селедки», а именно герб с тремя стерлядями, который действительно существовал какое-то время в Царицыне. Как к этому относиться? Правы и те, и другие, разные правды. Примириться сегодня достаточно трудно, и эта ситуация не уникальна.

Вопросы, связанные с трактовками национальных историй, сегодня актуальны не только для России и постсоветского пространства. Это общеевропейская и общемировая проблема. Обострились вопросы с претензиями по поводу границ переустройства мира, прежде всего, после Второй мировой войны. Эти вопросы будут актуальными до следующей мировой войны, до следующего передела мира. И так было всегда: и после Первой мировой войны, и после Наполеоновских войн. Сегодня вопросы границ, устройства мира, конечно, определяются во многом итогами Второй мировой войны. Здесь главная острота исторических вопросов. Но не только в этом.

В сегодняшней России очень распространено явление, которое связано с экономическим приспособлением прошлого. Что я имею в виду? Это, прежде всего, юбилеи и праздники, которые отмечаются на государственном и региональном уровнях. Как мы знаем по опыту нескольких регионов и городов, утверждение какого-нибудь круглого юбилея может принести в казну того или иного региона немалую сумму. Именно в связи с этим сейчас в РАН ощущается настоящая атака со стороны различных регионов, различных ведомств — все хотят отпраздновать юбилей. Иногда кому-то не хватает немного лет, чтобы его отпраздновать в ближайшее пятилетие. А вы же знаете, что все руководители выбираются на 4—5 лет, поэтому каждый руководитель, конечно, хочет, чтобы именно при нем была отпразднована та или иная дата.

Один из спорных случаев связан с предстоящим юбилеем Дербента. До сих пор вопрос еще не решен, указ Президента Российской Федерации не подписан. РАН не согласилась с празднованием 5000-летия Дербента лишь на том основании, что 5 тыс. лет назад на Дербентском холме просто жили люди. 1450 лет назад там действительно построили город, знаменитые Дербентские укрепления, которые вошли в перечень объектов культурного наследия ЮНЕСКО. Когда мы в очень жестких дискуссиях обсуждали этот вопрос с руководством Дербента, то дискуссии были, в том числе, и на таком уровне: «Как это? Коньяк 5000 лет Дербенту есть, а Дербенту 5000 лет нет? Мы не

А.Е. Петров,
*заместитель
академика-секретаря
Отделения историко-
филологических наук
Российской
академии наук
по научно-органи-
зационной работе,
кандидат
исторических наук*

понимаем позицию РАН». Вот здесь и возникает вопрос об отношении к науке в целом.

Еще один пример: сейчас на различных заседаниях обсуждается вопрос о грядущем юбилее Сергея Радонежского — величайшего подвижника земли Русской. В 2014 г. предлагается отметить 700-летие со дня его рождения. Кто знает житие Сергея Радонежского, тот понимает, что точной даты его рождения источники не сохранили. Отдел рукописей РГБ хранит уникальнейший лицевой список жития Сергея Радонежского,

но у нас нет точных данных о его рождении, нет однозначных научных аргументов для доказательства того, что это было в 1314 году. С православной точки зрения никого не интересовала дата рождения монаха, интересовала только дата его смерти. А она хорошо известна — 1392 год. Есть четыре различных датировки по косвенным указаниям разных источников, которые колеблются между собой в пределах десятка лет. Но остановились на одной дате — дате, которая была зафиксирована в церковной традиции, но не находит себе исторических подтверждений. Почему?

Я понимаю мотивы руководителя Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника, мотивы руководителей Московской духовной академии в Троице-Сергиевой Лавре. Надо проводить ремонт, проходящая рядом дорога наносит непоправимый ущерб памятникам архитектуры. Но почему нельзя принять решение о ремонте национальной святыни без принятия решения о «дутом» юбилее?

Возникает вопрос в связи с этими примерами: что вам, ученые, жалко? Да нет, конечно, не жалко. Празднуйте любые юбилеи, но это отражает, как общество сегодня воспринимает науку. Наука, прежде всего гуманитарная наука, история — это в общественном понимании, видимо, такой особый вид искусства, где два историка имеют четыре различные точки зрения и каждая из них имеет право на существование. В принципе, это отголоски уже умирающего в Европе пост-

модернизма. Разумеется, каждое мнение есть особый текст, давайте его изучать как самостоятельный текст. Правильно это или нет? Я считаю, что не правильно. Я хочу вспомнить в этой связи блистательную речь академика А.А. Зализняка на церемонии вручения премии А. Солженицына, в которой он говорил об истине, о науке, о том, что наука — это попытка достижения истины и что истина все-таки существует. Нам — и науке, и культуре в широком смысле слова — приходится сегодня сталкиваться с очень большим непониманием общества. Как быть в этой ситуации?

Мы, историки, ставим перед собой вопрос о налаживании диалога как с обществом, так и с властью. Для науки очень важно застолбить границы зоны незнания. Мы должны честно говорить о том, что вот это мы знаем, а что было до 862 г., науке точно неизвестно. Фамилий, имен тех людей, которые приглашали Рюрика, мы не можем сегодня назвать. Это также вызывает некоторое непонимание.

Вообще государственные и политические интересы очень плохо согласуются с наукой. Мы знаем факты, когда единичные учреждения культуры оборудуются по самому последнему слову техники, например, Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина в Петербурге. Не знаю, многие ли из вас были в прежнем Российском государственном историческом архиве, но теперь это с точки зрения «начинки» совершенно другое здание.

В то же время на другой стороне Невы находятся несколько учреждений РАН: Библиотека РАН, Кунсткамера, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, где хранятся документы, начиная с XV в., но основной массив — со времени основания академии. Это оригиналы и автографы Л. Эйлера, М.В. Ломоносова, бумаги императрицы Елизаветы Петровны, т. е. вся история Академии наук, вся история Просвещения в России, вся история науки в России XVIII—XIX веков. Кто желает, навестите это здание, зажатое между задворками Зоологического музея и Кунсткамеры, именно там хранится наша память — память Академии наук. Как решать этот вопрос в нынешней ситуации? Только привлечением каких-то высоких покровителей, чтобы они своим указом дали поручение все это отремонтировать или построить новое здание.

Мне видится, что для библиотеки гораздо острее, чем вопрос о востребованности и понимании в обществе, стоит проблема противоречия между следующими категориями. Библиотека, с одной стороны, — объект культуры, она подчиняется Министерству культуры РФ. С другой стороны, библиотека — сама по себе особая культура. И эта библиотечная культура является чем-то традиционным, это некая просветительская традиция — культурная традиция прошлого, законсервированная в этих стенах. Но сегодня, прежде всего молодежью, эта культурная традиция не востребована. Она не укладывается в формат Твиттера и Фейсбука. Традиционная библиотечная культура, культура работы с книгой в читальном зале, безусловно, нуждается в сохранении как одна из действительно существующих ценностей нашего общества.

Но, конечно, в настоящее время требуется развитие национальной библиотеки и в направлении того, что называется «информационный интеллектуальный центр». Я знаю, что РГБ развивается в этом направлении. Для того чтобы библиотека сохраняла свое влияние в обществе, необходимо предусмотреть расширение функции интеллектуального центра. Нашу конференцию я рассматриваю как одну из составляющих этой деятельности — библиотека как интеллектуальный центр. Сотрудничество РГБ и РАН развивается именно в этом русле, и надо его активизировать.

И последнее, о чем я хочу сказать. В прошлом году в Амстердаме состоялся очередной Международный конгресс исторических наук. Это крупнейший форум историков, проходящий раз в четыре года. Главной темой этого конгресса была «Вода в истории», связанная с глобальными проблемами современности. Этой теме участники посвятили одно пленарное заседание, потом о ней забыли, и историки из всех стран мира обсуждали вопросы, которыми я сегодня с вами поделился: соотношение

глобального и национального в культуре, в истории. Одна из презентаций была связана с тем, что в 2010 г. в Нидерландах был принят так называемый культурный канон. Это нечто вроде стандарта по истории, но не обезличенный, как наши школьные программы. Этот культурный канон (в истории Нидерландов выделено 50 тем — от палеолита до современности) несет некую оценочную характеристику, которая отражает два очень важных момента. Во-первых, согласие профессионального сообщества и общества в целом по этим вопросам, во-вторых — некий ценз для человека, претендующего на то, чтобы быть культурным гражданином, влиться в культуру страны. Это связано с проблемами миграции и традиционной культуры.

Возможно ли принятие подобного канона у нас? Этот вопрос я оставляю открытым. Но важно отметить, что в Нидерландах почти два года шло открытое общественное обсуждение, которое способствовало достижению внутреннего согласия. Согласие необходимо по основным историческим вопросам и у нас в обществе, связанным, например, с Октябрьской революцией, Гражданской войной, с личностью И.В. Сталина и др. Наше общество достаточно сильно разделено во взглядах на вопросы истории, но мы должны двигаться к согласию. И здесь библиотека как хранилище всевозможных документов, мнений, идей может быть своего рода интеллектуальной площадкой для организации такого обсуждения.

Культурный канон в Нидерландах серьезно опирается на то, что по-английски называется heritage education — образование наследием. Библиотека сама по себе является объектом культурного наследия, а образование наследием сегодня признано в мире самым мощным фактором формирования гражданской идентичности. Так, в программах школ в США существуют обязательные экскурсии для всех школьников за федеральный счет. Например, одна экскурсия к какой-нибудь природной достопримечательности страны, другая — к исторической. В то же время лишь 2% россиян видели в своей жизни Байкал — нашу национальную святыню, самое большое пресноводное озеро в мире. В Приморском крае 60% студентов уже побывали в Китае, и только 12% из них были в Москве.

Эта проблема для России крайне остра — воспитание наследием. Библиотека является частью этого наследия. Прикосновение к древности, своему прошлому, к тому духовному наследию, которое хранится в стране, это не формальное знание, а знание, полученное через ощущение, т.е. то, что не забывается. Это знание, которое граничит с впечатлением и творческим импульсом.

У нас, ученых-гуманитариев, те же проблемы, что и у вас. Поскольку проблемы одинаковые, то и наши действия должны быть едины.

Научные библиотеки: гибель или развитие?

Уважаемые коллеги, хочу поблагодарить Российскую государственную библиотеку за возможность выступить здесь со своим «плачем Ярославны». Но меня, представителя научной библиотеки, волнуют прежде всего библиотеки научные. Научные библиотеки, в первую очередь Российской академии наук, имеют давнюю историю. Здесь есть представители наших библиотек, многие, наверное, знают, как это все развивалось. Назову лишь общие данные: это 281 библиотека с совокупным фондом более 125 млн ед. хранения. Все это объединяет Информационно-библиотечный совет Российской академии наук (РАН), которому на днях исполняется 100 лет.

Всем известно, что ситуация с научными библиотеками сложная: нет техники, нет денег, нет специалистов, особенно молодых (на наши зарплаты люди не идут), нет литературы, прежде всего современной зарубежной. Это все так. Но главное — это тенденция, наметившаяся в последние 5—10 лет, по

В.А. Глухов,
*руководитель
Фундаментальной
библиотеки,
заместитель
директора по научной
работе
Института научной
информации
по общественным
наукам
Российской академии
наук,
кандидат
технических наук*

снижению количества посещений библиотеки, количества читателей и книговыдач. Если мы посмотрим данные за период с начала 1950-х до середины 1970-х гг., то окажется, что шел рост по этим показателям. Затем был стабильный период, когда из года в год цифры не менялись. Потом — провальный период 1990-х гг., связанный в основном с тем, что поступало мало литературы, не было денег на ее приобретение. А затем, казалось бы, все должно было развиваться, увеличиваться в объемах, но нет, происходит снижение. Это снижение постоянно, оно идет, начиная с 2000-х гг., и оно продолжается до сих пор.

Если сравнить период за последние 5 лет существования Советского Союза (1986—1990) и последние 5 лет сейчас (2006—2010), мы увидим, что посещаемость по нашим библиотекам сократилась в среднем в 2—3 раза, книговыдача — в

3—5 раз. Причем в них не так много внешних читателей, это не публичные библиотеки, а, скорее, ведомственные. Хотя есть среди них и публичные библиотеки, например ГПНТБ Сибирского отделения РАН в Новосибирске, представляющая собой региональную научную библиотеку, которой пользуются многие читатели, в том числе студенты. Парадоксально, но там это падение еще больше, чем в обычных библиотеках! Это не может не вызывать тревоги.

Проблема вовсе не в том, что люди ищут информацию в Интернете. Да, в последнее время многие наши библиотеки получили доступ к огромному количеству электронных источников для своих читателей или приобрели этот доступ через различные фонды. Так в Фундаментальной библиотеке ИНИОН РАН — это 10 тыс. журналов, в ГПНТБ — 2 тыс. журналов. У библиотеки ИНИОН неплохие показатели по посещаемости сайтов. Мы говорим, что читатель меньше ходит в залы, но зато он к нам приходит на сайты, смотрит то, что мы делаем. Читатель находит в наших электронных каталогах или библиографических базах данных, которые делает ИНИОН, литературу. А куда он идет дальше? Да, работают службы электронной доставки, но все равно это несравнимо с тем уровнем чтения, который был раньше. Конечно, это связано с тем, что в обществе падает интерес к науке, во многом благодаря тому, что государство к фундаментальной науке относится сейчас не с тем вниманием. Научные библиотеки находятся в кризисе. И этот кризис связан не с развитием Интернета, не с тем отношением к науке, которое существует в обществе. Все гораздо глубже и системнее.

Все мы знаем об информационном взрыве, произошедшем 50 лет назад, когда стало резко увеличиваться количество научной информации. Безусловно, люди сейчас не в состоянии прочесть все, что публикуется. Например, по социальным и гуманитарным наукам в стране ежегодно издается 70 тыс. книг. Среди них много учебников для вузов, которые не очень интересны научным библиотекам, тем не менее, прочесть такую гору информации невозможно. И в Интернете люди в основном просматривают, а не читают. Читают они, конечно, в библиотеке. А в библиотеке, как я уже говорил, посетителей мало. Это беспокоит, наверное, не только научные библиотеки. ИФЛА заявляет о новой парадигме, о новой концепции — создании мобильных библиотек (m-library). В чем смысл этого? Приблизить фонд к читателю как физически, так и виртуально за счет различных библиотечных сайтов, услуг, оказываемых с помощью мобильных устройств. Многие библиотеки двигаются по этому пути. Это, безусловно, правильно. Но решит ли это наши проблемы?

Один из путей приближения фонда к читателю — создание электронных библиотек. Но так ли он правилен этот путь? Все вы знаете современное российское законодательство в области авторских прав. И это нас останавливает от того, чтобы создавать электронные библиотеки с современной литературой. В РАН существует программа по созданию электронной библиотеки «Научное наследие России». Речь идет о том, что оцифровываются документы, на которые истекли авторские права, т. е. это документы максимум до 1930-х годов. Не многие рискуют заниматься современной литературой. В общем, наверное, это правильно, потому что мы можем делать электронные библиотеки на основе собственной полиграфической продукции. Например, все, что издает ИНИОН (и книги, и журналы), есть в электронном виде, все существует в Интернете, все можно читать. То же делает ГПНТБ Сибирского отделения РАН со своими обзорами, с различными материалами своего производства.

Если действовать по закону, то следует получать разрешение у авторов на публикацию их работ в электронном виде в своих электронных библиотеках. Но функция ли библиотек получать эти разрешения? Я не уверен. Есть научные издательства, это их функция — работать с

авторами, брать у авторов разрешения, создавать электронные библиотеки из собственной продукции.

Находясь в состоянии кризиса, многие библиотеки ищут пути выхода из него. Так, общедоступные, массовые библиотеки создают специальные центры (центры правовой информации, экологической информации, досуговые центры), проводят различные вечера. Но для научных библиотек этот путь не подходит.

В связи с этим я бы хотел вернуться к тому, чем занимались, например, во Всесоюзном, а теперь Всероссийском институте научной и технической информации (ВИНИТИ), т. е. к обработке информации. Библиотека занимается обработкой документальных источников информации — книг, журналов. Читателю книга, конечно, нужна. Но, как уже говорилось, интерес собственно к книге пропадает, появляется интерес к информации, к единицам знания. Я думаю, что наряду с обработкой литературы, обслуживанием читателей библиотекари должны заняться обработкой информации, которая извлекается из печатных источников, ее систематизацией и предоставлением своему читателю этой обобщенной информации со ссылками на источники, с гипертекстовыми связями. Это называлось фактографическими базами данных и делалось в 1970-е и, особенно, в 1980-е гг. в ВИНИТИ, частично в ИНИОН. Сейчас это делается в Центральной библиотеке Пушчинского научного центра РАН, в некоторых других библиотеках. И постепенно эта работа идет — предоставление читателю не информации о книгах, а информации об информации.

Находясь в кризисе, библиотеки все равно ищут новые пути, новые способы работы с читателем. Библиотека — живучий организм, она, конечно, никуда не денется. Важно, чтобы она не превратилась в музей, по которому водят, чтобы побыть между книгами, подышать пылью. Главное — чтобы она была нужной не только для нас, но и для наших читателей.

Научно-исследовательская работа библиотеки: славное прошлое, беспросветное настоящее, туманное будущее**

Научно-исследовательская работа библиотек обычно понимается как производство научных знаний, отвечающих критериям новизны и способствующих принятию управленческих и технологических решений, направленных, в конечном счете, на оптимизацию библиотечных процессов.

** Использованы данные исследований, проведенных сотрудниками РГБ: М.И. Акилиной, Н.Е. Добрыниной, М.И. Дьяченко, Л.А. Коваль, С.П. Меньшиковой, И.П. Осиповой, Г.А. Райковой и др.

С конца XIX в. научно-исследовательская работа библиотеки рассматривалась как общественная инициатива. Ученые, работавшие в ведущих библиотеках страны, сочетали ее с лекциями в университетах. На основании проводимых ими исследований формировались каталоги, выпускались издания, готовились научные отчеты. (Так, Румянцевскому музею предоставлялось право еще с 1862 г. публиковать статьи сотрудников, результаты своих научных работ.) В Румянцевском музее существовал Комитет, состоящий из приглашенных профессоров Императорского Московского университета и руководителей подразделений Музея, в том числе библиотеки. Основным вопросом, который в той или иной мере рассматривался на заседаниях Комитета, таков: «Как наука влияет на благоустройство учреждения».

Л.Н. Тихонова,
*заместитель
генерального
директора
Российской
государственной
библиотеки,
кандидат
филологических наук*

Проводимые исследования не касались библиотечной теории, так как библиотечное знание как самостоятельная дисциплина еще не сложилось. Научная работа того времени носила культурологический, историко-философский характер, косвенным образом влияя на организацию работы библиотек.

После 1917 г. правящие государственные структуры стали придавать весьма серьезное значение библиотечному делу. На первом этапе становления библиотечной науки советского периода стояла задача научного обоснования идеологических, просветительских функций библиотеки как учреждения советского образца, которые обеспечивали бы обучение кадров будущих библиотекарей, помощь в ликвидации неграмотности и малограмотности населения путем приобщения его к чтению.

Исходя из этого, результаты НИР были в основном связаны: а) с технологией организации библиотечного дела для последующей ее трансляции через систему образования; б) с изучением читательских интересов и руководством чтения. Корифеи того времени хорошо известны: это Л.Б. Хавкина, Н.А. Рубакин.

Форпостом молодой советской библиотечной науки становится Российская государственная библиотека, неоднократно переименовавшаяся (в 1917 г. — Государственный Румянцевский музей,

1924—1925 гг. — Российская публичная библиотека им. В.И. Ульянова (Ленина), 1925—1992 гг. — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ), 1992 г. — по настоящее время — Российская государственная библиотека (РГБ). В 1921 г. в Государственном Румянцевском музее формируется Ученый совет под председательством Ю.В. Готье. В 1924 г. создается Институт библиотековедения, колыбелью которого по праву считается РГБ. Это событие неизменно связано с именами В.И. Невского, А.А. Покровского, Л.Б. Хавкиной.

НИР того времени преимущественно велась в этом институте при непосредственном участии сотрудников Библиотеки.

Научная деятельность, начиная с 1930-х гг., сосредоточивается на создании каталогов, развитии библиографии, издательской работе, обслуживании читателей. Все эти направления, как было принято считать, способствовали: а) просвещению населения посредством приобщения к чтению; б) проведению идеологического воздействия правящей партии на население через книгу.

С этого времени библиотечная наука начинает интенсивно развиваться, складывается советская школа библиотековедения, библиографоведения со всеми ее плюсами и минусами, обусловленными методологическими и идеологическими ограничениями. Закладывается теория формирования библиотечной системы Советского Союза.

ГБЛ — РГБ в 1932 г. получила статус научного учреждения, а с 1954 г. она стала центром научно-методической работы в помощь библиотекам союзных республик.

Расцвет библиотечной науки приходится на 1960—1980-е гг., что связано с постепенным освоением информационных технологий, неотвратимой автоматизацией информационных и библиотечных процессов. Появляется большое количество научных работ, направленных на создание и развитие автоматизированных систем (как правило, локальных), формирование лингвистических и технологических составляющих таких систем. *(В настоящее время такие темы носят сугубо практический характер.)*

Ряд исследований был сосредоточен на определении роли и места библиотеки в науке, культуре, информации.

В 1990-е гг., в связи с развалом СССР, экономическими и политическими трансформациями, обострением социальных проблем, недостаточным финансированием культуры, рухнула иерархически выстроенная библиотечная система, а вместе с этим библиотечная наука стала заметно слабеть.

Самым сложным, как оказалось, стало преодоление методологического кризиса, марксистско-ленинские установки не срабатывали, проявилось множество внешних факторов, прямо или косвенно влияющих на библиотечное дело. *(Разработка методологической основы современного библиотечного дела все еще далека от завершения.)* Количество фундаментальных исследований значительно сократилось.

В 2000-е гг. под влиянием таких факторов, как активное внедрение ИКТ, формирование информационного и гражданского общества, инновационная политика государства, наметился определенный сдвиг в развитии НИР. Однако радость была недолговечной.

Что же происходит сегодня с библиотечной наукой?

Попробуем разобраться в ситуации.

Если в 1970—1980-е гг. ведущие *институты культуры* (Ленинградский, Московский, Кемеровский и ряд других) вместе с РГБ и РНБ определяли основные направления развития библиотечной науки, то к настоящему времени библиотечным проблемам в этих институтах все меньше и меньше уделяется внимания.

Среди *библиотек* официальный статус научно-методических центров по библиотековедению, библиографоведению, книговедению возложен на федеральные национальные библиотеки — РНБ, РГБ, ПБ

им. Б.Н. Ельцина, что закреплено в Федеральном законе Российской Федерации «О библиотечном деле». Весьма продуктивны в области НИР библиотеки системы Российской академии наук, в том числе Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук.

Региональные библиотеки, хотя и проводят исследования, могли бы этим не заниматься, так как формально не являются научными учреждениями. Существующая форма отчетности № 6-НК не учитывает НИР как самостоятельный вид деятельности, нет прямой связи между финансированием библиотеки (как культурно-просветительского учреждения) и осуществляемой НИР.

Проводимые исследования свидетельствуют о том, что понятие «научно-исследовательская работа» воспринимается неоднозначно.

Большинство региональных библиотек Российской Федерации относят к НИР мониторинг состояния библиотек сети, нормирование деятельности, изучение читателей (читательский — пользовательский спрос, информационные потребности читателей), поддержку и развитие чтения, вопросы краеведения.

Анализ научных исследований, проводимых библиотеками Российской Федерации, показывает, что при относительно большом количестве тем НИР их направленность оставляет желать лучшего.

Как и в XX в., ведущее направление НИР связано с локальными исследованиями чтения, различных его параметров, информационных потребностей читателей-пользователей. К сожалению, социологические исследования такого рода во многих случаях проводятся доморощенными методами, так как профессиональных социологов, за редким исключением, в библиотеках нет.

Некоторые библиотеки нашли выход из сложившейся ситуации, привлекая профессионалов из других учреждений. Такая тенденция, надо признать, весьма продуктивна и нацелена на будущее.

Библиотеками ведутся также исследования по совершенствованию *обслуживания читателей — пользователей библиотек*. В большинстве случаев эти исследования нацелены на обновление сложившихся стереотипов в системе обслуживания, есть, правда, и исследования, связанные с информационным обслуживанием в электронной среде.

Далеко не всегда во внимание принимается то обстоятельство, что принципиально меняется парадигма библиотечного дела, меняется система информационных коммуникаций.

Если обратиться к результатам анализа диссертационных работ (с 2006 по 2009 г.) то очевидно, что превалируют темы исторического характера.

Большинство исследований носит ярко выраженный прикладной характер. Научные работы, осмысливающие *проблемы теории и методологии работы библиотек в электронной среде* — единичны. Хотя работ, связанных с библиотечно-информационным обеспечением, формированием электронных ресурсов, стало появляться все больше.

Вне внимания специалистов остаются стратегические вопросы развития библиотечного дела, которые опирались бы на добротную теоретическую базу.

Научная работа библиотек находится под пресом ряда факторов: интенсивное внедрение современных ИКТ; информатизация общества, культуры; вовлеченность библиотек в среду информационных коммуникаций; появление интернет-индустрии (в т. ч. крупнейших поисковых систем Гугл, Яндекс и др.), порождающей конкурентную борьбу на информационном рынке; тенденция к свободному, открытому доступу к информации и др.

Со всей очевидностью проявились проблемы, нуждающиеся в приоритетном научном обосновании:

- нормативно-правовая основа библиотечного дела в условиях социально-экономических преобразований;
- миссия современной (национальной) библиотеки;
- роль, место библиотек в информационно-коммуникационной среде;
- стратегия контента фондов библиотек, включающего электронные издания, способов его демократизации;
- обеспечение многообразия и междисциплинарности в системе обслуживания;
- концептуальные разработки в области электронных библиотек, электронных ресурсов.

Современный ученый сегодня в основном ориентирован на междисциплинарную информацию, поскольку исследования все больше начинают носить интеграционный характер. Пользователь ожидает, что именно такого рода доступ к информации будет предоставлен.

Герберт Спенсер утверждал, что «Наука — это организованное знание». Организация, систематизация знаний — одна из важнейших функций библиотек, обеспечивающих им преимущество перед сетевыми ресурсами. *Достоверность, надежность и систематизированность материала, возможность многократного использования данных, способность библиотеки осуществлять навигацию поиска по различным каналам и источникам* — именно эти качества обуславливают тот факт, что представители науки все еще продолжают доверять библиотекам, даже в ряде случаев отдают им предпочтение при выборе держателей информации.

Чтобы закрепить, а не утратить эти преимущества, необходимо:

- внесение изменений в систему библиотечного обслуживания, обращение к многоуровневым, мультидисциплинарным ориентирам при предоставлении информации пользователям;

- ориентация на пользователей как соавторов информационной продукции;

- усиление акцента на библиотечно-информационное обеспечение науки, культуры, образования;

- преобразование лингвистического обеспечения, которое давно не успевает за потребностями пользователей;

- усиление внимания к формированию научного контента библиотеки;

- выполнение библиотекой функций по организации и навигации поиска в помощь пользователю (читателю).

Всё это требует изменения вектора исследований, которые *должны предвещать* все серьезные преобразования в библиотечной практике.

Очевидна потребность в повышении уровня участия библиотеки в экономическом и социальном развитии государства, занятие библиотекой подобающего ей места в системе научных коммуникаций, в системе образования и воспитания.

Эти амбиции имеют шанс на удовлетворение при условии серьезных аналитических проработок всех функций библиотеки как института научно-информационного регулирования на основе современного методологического подхода.

Под силу ли это библиотекам в условиях, когда НИР напрямую не имеет целевого финансирования, а гранты, которыми могли бы воспользоваться библиотеки, крайне скудны?

Национальные библиотеки, которые обязаны выполнять функции ведущих научных центров, в соответствии с ФЗ «О библиотечном деле», относят к культурно-просветительским учреждениям, что не предусматривает целевого финансирования научных исследований.

Ситуацию усугубляет сложное положение с кадрами. К сожалению, вузы культуры не поставляют в библиотеки, в том числе национальные, кадры, уровень компетенции которых соответствовал бы современным требованиям. В силу этого обстоятельства через некоторое время предполагаемая модернизация библиотек может оказаться маловероятной.

Государство фактически определилось с перечнем базовых услуг, которые ждет от библиотек (ФЗ № 83 от 08.05.2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»). В перечне данных услуг нет места ни научной, ни методической работе, а это означает, что количество научных сотрудников, и без того невеликое, будет сокращаться. Самостоятельное финансирование научной и методической работы находится под большим вопросом. Все это может привести к упадку библиотековедения, библиографоведения, книговедения как научных дисциплин.

Чтобы стать ресурсным приложением Гугл и иже с ним, не нужно предпринимать никаких усилий, если же попытаться найти компромиссный вариант решения проблем, необходимо сконцентрировать все силы библиотек, в том числе — научных (*пока они еще есть*), на сохранении достигнутого и коренной модернизации библиотечного дела. Это возможно при наличии соответствующих, дружественных для библиотек условий бытования.

Не утратить оптимизм позволяет Приказ Министерства культуры Российской Федерации № 781 от 15.12.10 г. «Об утверждении ведомственного перечня государственных услуг (работ), оказываемых (выполняемых) находящимися в ведении Министерства культуры Российской Федерации федеральными государственными учреждениями, в качестве основных видов деятельности», где все-таки науке нашлось место.

В соответствии с этим приказом НИР напрямую не входит в компетенцию библиотек. *Работа по выполнению фундаментальных, прикладных и теоретических исследований относится к федеральным научно-исследовательским учреждениям, а также ИНЫМ учреждениям культуры, осуществляющим научную деятельность.*

Библиотеки, как известно, официально относятся к культурно-просветительским учреждениям.

Вопрос — нужно ли понимать, что не только федеральные, но и другие научные библиотеки автоматически будут считаться также научно-

исследовательскими центрами (согласно соответствующим законам и своим уставам) или все же они — культпросвет-учреждения со всеми вытекающими из данного обстоятельства последствиями? Нужна ли государству НИР, которую способны выполнять научные региональные библиотеки? Ждет ли от них работодатель услуг по научным исследованиям и собирается ли платить за них? Берут ли на себя региональные власти решение этих проблем? Данные вопросы требуют скорых и однозначных ответов, которые смогут вывести научную работу библиотек из организационно-правового тумана.

28—30 ноября 2011 г. — «EVA-2011 Москва: Информационное общество, культура, образование»: XIII Международная конференция. *Место проведения:* Москва, Российская государственная библиотека.

Тема Конференции: «Развитие и сохранение электронного культурного и научного наследия».

Организаторы: Комиссия Европейского сообщества, Министерство культуры Российской Федерации, Российская государственная библиотека, Центр по проблемам информатизации сферы культуры (Центр ПИК), Российская ассоциация электронных библиотек (ЭЛБИ), Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества; при поддержке Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Российской библиотечной ассоциации, Российского отделения ИКОМОС, Российского отделения ИКОМ, Ассоциации по документации и информационным технологиям (АДИТ), EVA Conferences International.

Вопросы для обсуждения:

- Стратегия развития электронного культурно-образовательного и научного пространства
- Создание и долговременное сохранение цифровых ресурсов, обеспечение открытого доступа к ним
- Электронные ресурсы и информационно-коммуникационные технологии
- Взаимодействие социокультурных институтов в электронном пространстве.

Формат Конференции: пленарные заседания, секции, круглые столы, семинары, мастер-классы, виртуальная выставка «Мультимедиа в культуре, искусстве, гуманитарном образовании».

Подробнее — на сайте Конференции: www.evarussia.ru